

Леонид Андреев

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Пьесы

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А65

Андреев, Л.

А65 Жизнь человека / Л. Андреев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 274 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72851-5

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72851-5

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

К ЗВЕЗДАМ.....	5
САВВА (IGNIS SANAT).....	81
ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА.....	185

К ЗВЕЗДАМ

Действующие лица:

Терновский Сергей Николаевич, русский ученый, уехавший за границу. Директор обсерватории. Знаменит; член многих академий и ученых обществ. Пятьдесят шесть лет, но на вид кажется моложе. Движения плавные, спокойные и очень точные; так же сдержан и точен в жестикуляции — ничего лишнего. Вежлив, внимателен, но от всего этого отдает холодом.

Терновская Инна Александровна, жена его, тех же почти лет.

Дети Терновских:

Николай, 27 лет.

Анна, 25 лет. Красива и суха, одета не к лицу.

Петя, 18 лет. Бледный, изящный, хрупкий; черные выющиеся волосы; белый отложной воротник.

Верховцев Валентин Алексеевич, муж Анны. Лет 30. Рыжий. Самоуверен, повелителен, насмешлив. Иногда груб. Инженер.

Маруся, невеста Николая, 20 лет. Красивая.

Ассистенты Терновского:

Поллак. Сухой, высокий, с большим лысым черепом, корректный. 32 года. Механичен. Курит сигары.

Лунц Иосиф Абрамович. Еврей, 28 лет. Привычка обращаться с точными инструментами придает движени-

ям сдержанность и точность; но при волнении Лунц не выдерживает и жестикулирует со страстностью южанина-сеμίта.

Житов Василий Васильевич. Неопределенного возраста. Велик, волосат, медведеобразен. Всегда сидит. Своеобразно красив.

Трейч, рабочий, 30 лет. Черный, худощавый, очень красивый, сильно изогнутые брови; дальнзорок. Прост, серьезен, несловоохотлив.

Шмидт. Молод. Маленького роста; мелкие, но правильные черты лица; одет тщательно; говорит тонким голосом. Имеет вид незначительный.

Минна, служанка.

Франц, слуга.

Старуха.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Обсерватория в горах. Поздний вечер. Сцена представляет две комнаты; первая — нечто вроде столовой, большая, с белыми толстыми стенами; у окон, за которыми мечется во тьме что-то белое, очень широкие подоконники; огромный камин, в котором горят поленья. Убранство простое, строгое, отсутствие мягкой мебели и занавесок. Несколько гравюр: портреты астрономов, волхвы, приведенные звездой ко Христу. Лестница вверх, в библиотеку и кабинет Терновского. Задняя комната — обширный рабочий кабинет, в общем похожий на первую комнату, но без камина. Несколько столов. Фотографии звезд и лунной поверхности, некоторые простейшие

инструменты. Сидит за работой ассистент Терновского — Поллак В передней комнате Инна Александровна и Житов разговаривают; Петя читает; Лунц ходит взад и вперед. У очага кухарка-немка готовит кофе. За окнами свист и вой горной вьюги. Потрескивают дрова в камине. Равномерно звонит колокол, сзывая заблудившихся.

Инна Александровна. Звонит, звонит, а все без толку. За четыре дня хоть бы кто пришел. Сидишь, сидишь, да и подумаешь: уж живы ли там люди-то?

Петя (*отрываясь*). А кому прийти? Кто пойдет сюда?

Инна Александровна. Ну, мало ли кто! Снизу может кто прийти...

Петя. Не до того им, чтобы по горам лазить.

Житов. Да, положение затруднительное. Дороги нет — как в осажденном городе, ни оттуда, ни отсюда.

Инна Александровна. Денька через два и есть нечего будет.

Житов. Так посидим.

Инна Александровна. Вам-то хорошо говорить, Василий Васильевич, — вы, как медведь, своим жиром неделю сыты будете, — а что мне с Сергеем Николаевичем делать?

Житов. А вы ему запас сделайте, мы и так обойдемся. Лунц, а Лунц, вы бы сели!

Лунц не отвечает, ходит.

Инна Александровна. Ну и сторонка! Пстойте, словно постучал кто. Пстойте-ка! (*Прислушивается.*) Нет, показалось. Какая метель, у нас такой не бывает.

Житов. Бывает... в степи.

Инна Александровна. В степи не жила... не знаю. Как бьет в окна!

Петя. Ты напрасно ждешь, мама, — никто не придет.

Инна Александровна. А может?.. (Пауза.) Газеты старые почитать, что ли... да уж читаны-перечитаны. Иосиф Абрамыч, вы ничего новенького не слышали?

Лунц (*останавливаясь*). Откуда же я могу услышать? Как вы странно спрашиваете. Ведь это же невозможно, ей-богу. Откуда я могу услышать, сами посудите. Странно!

Инна Александровна. Ну-ну, я — так, не сердитесь. Душа кровью обливается, как подумаешь, что там делается! Господи!

Житов. Дерутся.

Инна Александровна. Дерутся! Вам-то легко говорить, Василий Васильевич, у вас там никого своих нету, а у меня ведь дети! И ничего-то не знаешь, как в лесу... да какое — в лесу! В лесу хоть птица пролетит, заяц пробежит, а тут...

Лунц (*на ходу*). Может быть, там уже полная победа. Может быть, там уже новый мир — на развалинах старого.

Житов. Не думаю. Непохоже было.

Петя. Почему это не думаете? Вы читали, что министерство подало в отставку, что весь город в баррикадах, что пролетариат уже овладел ратушей? А за пять дней что могло произойти!

Житов. Ну, может быть, не знаю. Лунц, вы бы сели. По моему расчету, вы за эти дни верст двести сделали.

Лунц. Отстаньте! Я вам не мешаю, и вы мне не мешайте. Как это некультурно: врывать в чужую жизнь.

Я же не говорю вам: Житов, не дремлите по целым часам, вы уже проспали вечность. Я не говорю!

Петя подходит к Луницу и тихо разговаривает с ним о чем-то. Ходят рядом, изредка обмениваясь словами.

Инна Александровна (*тихо Житову*). Экий недо-трога! Ну что же, Василий Васильевич, выпьем кофейку, что ли, с горя...

Житов. Я бы чаю выпил.

Инна Александровна. Сказал! Я бы и сама, батюшка, чайку бы выпила, да где его возьмешь. С малиновым вареньем бы — хорошо.

Житов. А я так — вприкуску.

Инна Александровна. Да что уж! Вы вот что скажите, Василий Васильевич, — ко всему я тут привыкла, ну ко всему — и к горам этим, и к безлюдью, а вот березку позабыть не могу. Как подумаю, как вспомню — так часа два плачу, как угорелая. У нас в имении усадьба на горке стояла, а вокруг березовая роща — какая роща! После дождя такой, бывало, подымется запах, что... что... (Утирает глаза.)

Житов. А вы бы взяли да и съездили в Россию месяца на два.

Инна Александровна. А с кем же я его оставляю? Он тоже меня сколько раз уговаривал, — да разве это можно! Ну вдруг заболит? — года у меня с ним не маленькие.

Житов. Я останусь.

Инна Александровна. Нет, нет, и не говорите. Нету березки, и не надо, — ведь я к слову сказала. Нет, нет. Тут тоже хорошо. Вот весна идет...

Житов. А если б его в Сибирь услали? Поехали б?

Инна Александровна. А почему ж не поехать? И в Сибири люди живут. Эка!

Житов. Вы славная, Инна Александровна.

Инна Александровна (*нежно*). А ты глупый, — разве старухам такие вещи говорят? А и вправду, Василий Васильевич, отчего бы вам не жениться? Жили бы тут да поживали, как мы вот с Сергеем Николаевичем.

Житов. Нет, куда мне... Человек я непоседливый.

Инна Александровна (*смеясь*). То-то, похоже.

Житов. Нет, верно. Нынче здесь, а завтра там. Я и астрономию скоро брошу. Я ведь в Австралии еще не был.

Инна Александровна. А туда зачем?

Житов. Да так. Посмотреть, как люди живут.

Инна Александровна. Да ведь у вас, Василий Васильевич, и денег-то нет. Это тому хорошо путешествовать, у кого есть деньги.

Житов. Да я не путешествовать, я так. Поступлю на железную дорогу или на завод.

Инна Александровна. Из астрономов-то?

Житов. Что же, этому легко научиться. Я механику знаю. Мне немного надо, я человек неизбалованный.

Пауза. Свист вьюги сильнее.

Петя. Мама, а папа где? работает?

Инна Александровна. Да... просил не мешать ему.

Петя (*пожимая плечами*). Как он может работать в такое время! Не понимаю.

Инна Александровна. А так и может. Что же, лучше, если он вот так метаться будет? Вон Поллак тоже работает.